

ЮРИЙ ЛАКЕРБАЙ

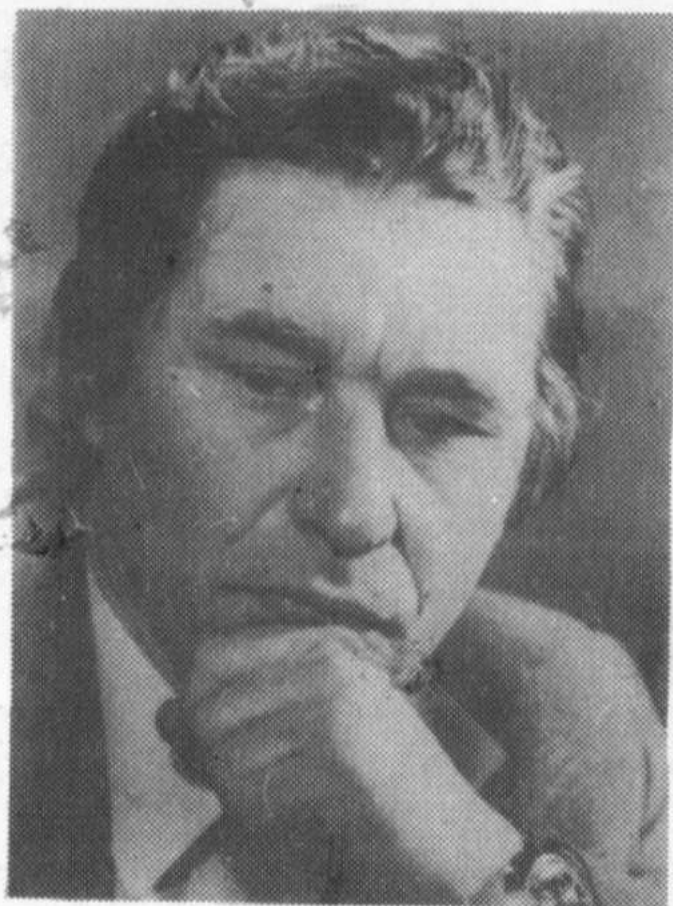
НОВИНКИ · СОВРЕМЕННОСТИ ·

Ловчая птица

35 коп.

Юрий Лакербай родился в 1934 году в Иваново. Закончил школу рабочей молодежи. Учился в институте физкультуры в Минске.

В 1967 году закончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР.

Член Союза писателей.

«Ловчая птица» — пятая книга стихов.

Живет в городе Дмитрове Московской области.

НОВИНКИ · СОВРЕМЕННОСТИ

ЮРИЙ ЛАКЕРБАЙ

Ловчая
птица

Книга стихов

«Современник»
Москва
1986

Рецензент *Е. Осетров*

Л $\frac{4702010200 - 162}{M106(03) - 86}$ 178 — 86

© Издательство «Современник», 1986

I ОПЫТ

Дочери

*

Эта девочка русоволосая
Обитает в глухом городке.
С куклой Таней сурова, как взрослая,
С мирозданием — накоротке.
И с отвагою удивительной
Посреди замерзающих грав
Дерево от вороньего митинга
Защищает, ручки задрав,
И, победу нелегкую выстрадав,
Говорит с заботой смешной:
— Вот умру я — и снова я вырасту...
А потом что случится со мной? —
И глаза, что немного раскошены,
Призывают к ответу меня.
Я стою перед ней огорошенный,
Не ответивших раньше кляня!
Дерево молодое колышется,
Торг крикливый ведет воронье...
А над всею планетою слышится —
И врывается в сердце мое
Недосказанной трепетной истиной,
Заблудившимся певчим дроздом:
— Вот умрем мы — и снова мы вырастим!..
Что же с нами случится потом?

Рынок

Как в кино мы ходили на рынок
Босиком в непролазную грязь.
Молоко мы пили из кринков,
На корзины облокотясь.
Детских радостей ранний глашатай,
Он в обиду друзей не давал,
За пятак уступая гранаты —
Самый яркий и сочный товар!
Он гудел, как пчелиные соты,
Он звенел бубенцами вразброд,
На заре нас встречая в субботу
У резных громадных ворот
Краснобаем,
Шутом,
Чародеем,
К нашим прихотям щедрый вдвойне,
Словно чувствовал, что оскудеет.
И сойдет постепенно на нет,
Став недасковым и вороватым
Спекулянтом военной поры:
Грязной солью — из-под халата,
Сахарином — из-под полы...
Несговорчив, труслив и настырен,
Он встречал нас усмешкой кривой...
И когда он вконец опостылел,
Мы изгнали из детства его!
Да и детство-то кончилось быстро
На рассвете, что гарью пропах:
Мы ушли на военную пристань —
Там нуждались в рабочих руках.

Этюд для Веры

Ритмичен и звонок танец у Веры
В утренних кленах.
У Веры снежного цвета гетры
На ножках точеных.

Вера по желтым оврагам мчится,
Влетает в стильные броды.
Вера — гиедая моя кобылица
Терской породы.

Вера — царица лихого карьера
За призами в погоне
И не заметит последнего метра
Перед конвейером бойни!

Но мне не хотелось бы портить этюда
Для моей кареокой.
За ипподромом утро безлюдно,
Клены взметнулись высоко.

Знают эти красавцы литые
Все наречья на свете,
Не ведают только мертвой латыни
Ветеринарных свидетельств!

Закрою глаза — и в утренних кленах
Вера кружится, кружится...
А за бетонной стеной ипподрома
Новая скачка вершится!

Город на Неве

Другие бы век рядили:
Край-де угрюм и мертв!..
Поставить дворцы на гнили
Мог лишь Великий Петр!
Верен одной заботе,
К себе самому жесток,
Венецией на болоте
В самый короткий срок
Поверг в изумленье Запад
И приструнил заодно!
Непросто у черта в лапах
В Европу рубить окно.
Свинцовая нежил в небе,
Свинцовой Невы кураж...
И все же великолепен
Воды и камня мираж!
Заворожит, заманит
Сказочный град Петра
К сфинксам в кругом тумане,
К мостам на семи ветрах,
К узорной решетке сада,
Где тускло мерцает медь, —
Под хлещущим листопадом
Руки любимой греть!

Из летописи

Пришла весна в Белобережье,
Пора бы в путь!..
Но ждет засада печенежья,
Не отвернуть.
Свенельд, отцовский воевода,
Был мудр и сед
Перед последним переходом
Он дал совет.
— Пойдем на конях, будем живы! —
Свенельд сказал.
Но Святославу жаль наживы,
Красна казна!
— Пусть печенег мечту арканит
Втоптать нас в грязь,
На Неясыть пойдем ладьями! —
Отрезал князь.
И печенегу наудачу
В той сече злой
Отдал казну, а с ней в придачу —
И череп свой..
Свенельда в свалке проглядели:
Пришел домой
Без славы и царьградских денег,
Но с головой!
И речи вел, собой доволен,
Среди бояр.
Грустил в ту пору на Подоле
Кривой гусяр.
Все зачеркнул одним куплетом,
Придя на торг.

И вздернуть малого за это
Свенельд не мог.
Хоть дерзок шут, на кол еловый
Не вознести!
У слободян свобода слова
Была в чести.
А шут, на гусельках играя,
Орал в луга:
Неужто голова седая
Так дорога?!

Изгой

Под снегопадом и зноем,
Голод и смерть поправ,
Рыщет в лесах изгоем
Полоцкий князь Всеслав.
Шальна у изгоя слава,
Да отобрать нельзя!
Боялись князя Всеслава
Киевские князья.
В смутных лесах, в горючих,
Деся отцовский надел,
Они кроили, как лучше,
А он кроил,
Как хотел!
От колдовства зачатый,
С язвиною на лбу,
Берложным богам косматым
Вручал он свою судьбу.
Не знаю, то явь иль сказка,
Но шла по Руси молва:
Тронет Всеслав повязку —
И ядом брызнет трава!
Не знаю, то явь иль сказка,
Но только бывало так:
Тронет Всеслав повязку —
И он уже волколак!
Лови человека-зверя,
В болотах гнилых ищи,
А он уже у Ильменя —
И Новгород взял на щит!
Темна у изгоя слава,
Зла у него слеза...

И ныне душа Всеслава
Кричит в берложных лесах,
Соколом рвется в небо,
Змеей уползает в нл..

Вкусил я такого хлеба,
Такого меда вкусил.

Неизвестному зодчему

Когда вам по сердцу игра,
То выпадает доля
Оставить людям белый храм
На вересковом поле,
Открытый солнцу и ветрам,
Не пойманный оградой.
Была бы по сердцу игра —
И прочих благ не надо!
Покуда не лежим в гробу,
Мы этим медом живы,
И все обиды на судьбу —
И суетны,
И лживы.
Не нам с тобой ее корить,
Не нам ее устроить...
С грядущим будем говорить,
Навечно будем строить!
Свобода тем и хороша,
Что далеко разводит, —
И одинокая душа
Свой белый храм возводит!..

Районный
музей .

За десять копеек
Бесценность
Глазами потрогать дают:
Иконостас во всю стену,
Веков антикварный уют.
Гравюры в узорчатых рамах,
Оружья серебряный тон...
И бродишь по русскому храму,
Чужим мастерством потрясен.
Чужим ли?
Почудится снова —
Судьба на подарки щедра:
Ты первый товарищ Рублева,
Ты верный соратник Петра!
И тайной высокой владея,
Как будто на подвиг иной
По устланной камнем аллее
Выходишь на вал крепостной.
На площади строгие дети
У обелиска молчат.
Буксиры — речные медведи —
Урчат, на восток топоча.
Сломал городишко границы,
Залез на кладбищенский склон.
Нуждается он в летописцах,
И в зодчих нуждается он.

*

Уважаю при жизни забытых
Терпеливых и мудрых людей.
Ведь не всем же ходить в знаменитых
По газонам хвалебных статей!

Популярность к ним в дом не стучится,
К ним стучатся друзья и долги.
Кто сказал, что бескрылые птицы?
Их полеты круты и долги.

Да они и не могут иначе
В самый хмурый из пасмурных дней
На одну неудачу богаче,
На одно поражение
Сильней!

Лунный окоп

Со мною весь мой гардероб,
Он влажен, зеленоват.
Мой дом — этот лунный окоп,
Послушаешь — жибы еще,

Луна заостряет черты,
Луна проникает нам в мозг.
Неслышно и без суеты
Под кожу втирается воск.

Луна ни на чьей стороне:
Бесстрастно рисует в анфас
И тех, кто залег на стерне,
Чтоб утром подняться на нас.

Такая же матовость щек
И воском отглаженный лоб,
Послушаешь — живы еще,
Посмотришь — так просятся в гроб!

Какой идиот нибелунг
Увел их от жен и невест
Искать в моем лунном углу
Штык и березовый крест?

И то, и другое найдут
В схватке короткой и злой!..
Мой дом — этот лунный редут
Над русской речонкой
Сестрой.

Торжок

Осенний нудный дождь
Весь мир окрасит серым,
И лишь один Торжок не знает
Перемен:
Незыблемо хранит два цвета —
Желтый с белым —
Купеческих домов
И монастырских стен.

О вольный дух холмов
И колоколен ярус,
За эту красоту душа моя
Болит!
Хочу, чтоб никогда
Здесь не взревел «икарус»,
На улочках кривых не появился
Гид!

Хочу, чтобы никто
Не ограждал деревья,
Табличкой номерной не помечал
Мираж!..
Торжок тем и хорош,
Что, оставаясь древним,
Отбросил, словно кость,
Музейный камуфляж!

Кто жаждет — да придет!
А нет — так гора мало:

У гордой старины есть
Суздаль и Ростов.
Счастливого пути!
Торжок — не зазывала.
Он постоялый двор
Поэтов и дроздов!

Статуэтка

Это хороший подарок —
Уральских умельцев литье.
Черный чугунный идалго
Читает свое бытие.
И негодует, и верит
Под хохот воров и транжир..
В юность распахнуты двери —
И открывается мир,
На парадоксы богатый,
Целостен и разъят.
Приставлен к слепцу соглядатай,
Преступники судей казнят,
И топчут поэта ногами
Подонки в глухом городке..
А кто-то в далекую гавань
Мчится по Млечной реке,
И слесарь ростовский — под поезд,
Спасая чужое дитя, —
Выходит, читается повесть
И твоего бытия.
И надо б начать по порядку:
Скалы, полуденный зной,
Первая дерзкая схватка
С мельницей ветряной
И чести высокая мера,
Когда нам и смерть — не сестра!
И эта прекрасная вера,
Что ржавая шпага
Остра!

*

Мне думалось: вот я дострою фразу —
И исцелюсь.
И боль из сердца — вой!..
Но если верный тон не найден сразу,
Он не найдется,
Этот верный тон!

И стану я бездомней, чем вначале,
В круговороте проводов и встреч,
И будут люди пожимать плечами,
Не разумея
Сбивчивую речь...

Журавль возвратный —
Долгих зорь глашатай —
Разбавит горечь, примирит с судьбой.
Рубец на сердце —
Вот и вся расплата
За вовремя не изгнанную боль.

Поле Куликово

Триптих

1

Сердце — красная звонница,
Где твой главный — набатный?
Вся ордынская конница
Ждет меня у Непрядвы!
Вся Мамаева конница
На меже Куликова..
Сердце — красная звонница,
Что там звоны Ростова! —
Не поднимут упавшего,
Не поставят заслона.
Поле выбора нашего
Отгорожено Доном.
Над пожухлыми стеблями
Даже птица сникает.
Поле наше последнее,
Тишина-то какая!
Где там сила запасная,
Выручальная сила?
Сердце — звонница красная
До конца отзвонила!..

2

Один лишь шаг — и сброшены оковы,
И ты как мечник в стылых ковылях!..
У каждого есть поле Куликово,
Но трусость пишет сноски на полях,
И хитрый разум судит не сурово:
Ты человек, ты не герой, не вол..
У каждого есть поле Куликово,

Но надо еще выйти на него,
И выйти так, чтобы навеки правым
До капли чашу горькую испить, —
И никакой обратной переправы,
И никуда уже не отступить!

3

Что карта боя?
В ней полно накладок:
Другое время — и пейзаж другой.
Нет той дубравы, где была засада,
Растет рябина, где стоял Донской.
Но гроздь рябины с поля Куликова
Чуть-чуть поярче, чем с иных полей:
Здесь кровь мешалась с влагой родниковой
И проникала в почву до корней.
Возьму в дорогу эту гроздь рябины,
Она напомнит и ковыль сухой,
И сизый всполох стаи голубиной
Над шлемовидной темною главой,
И хриплый звон колоколов отдельных,
Что к юбилею голос обрели,
И сиротливость крестиков нательных,
Случайно извлеченных из земли.
В нестройном хоре слухов и преданий
Есть изначально верная струна:
На кровь свою не скарены славяне,
Когда им воля вольная
Нужна!

Земля Антуана

Если есть там, в космосе, кто-то,
Чудо только одно сотвори:
Обеспечь безопасность полета
Антуану Экзюпери!
Отведи от него астероид,
Не сожги ненароком в луче.
Пусть он новую Землю откроет,
А на ней и сосна, и ручей.
А на ней хороводы, как в Жмуди,
И цветы Елисейских полей,
И такие же добрые люди,
Разве только чуть-чуть подобрей,
Да заветы умерших живучей,
Да живущих дела веселей...
В остальном те же низкие тучи,
Те же острые кручи над ней,
То же утро с пицундским органом,
Тот же вечер с любимой вдвоем
На далекой земле Антуана
В черной бездне за Млечным Путем!

Поездка на Фудзи

Глаз не оторвать от Фудзиямы!
А продюсер, господин Ямото,
Говорит, что кратерная яма —
Это свалка, кладбище отходов.

Отовсюду виден белый конус,
Яму видно только с вертолета.
У Ямото голова — как глобус
И в глазах унылая забота.

Он вздыхает: остров мал и тесен,
Пестрый лоскуток среди океана.
Помещаем свалку в поднебесье,
Льем помой в горло великана.

И вулкан вернет по назначенью
В час урочный грязные отбросы!..

Я смотрю на белое свеченье
И молчу.
Не задаю вопросов.

Детоубийца

Пушка, автобус, конь..
Игрушки красивые.
Ты игрушки не тронь —
В них притаились взрывы!
Хотел бы я знать,
Как спит,
На какой анестезирующей подушке
Тот,
Кто мины творит
В форме игрушки.
Какие он вина пьет,
Какие вкушает блюда
Затейник искусный
Тот,
Мне незнакомый покуда.
Мы с планеты одной,
Что особенно грустно.
Родиться б ему змеей,
Родиться бы мне
Мангустом!
Мы с планеты одной,
С этим трудно смириться...
Где же он,
Кровник мой?
Детоубийца!

Другу- альпинисту

Ну куда ты опять
К этим стылым громадам!..
Лучше вспомним о тех,
Кто оснежен и нем.
Отдохнуть от проблем
Под крутым камнепадом?
Ничего себе способ
Отдыхать от проблем!
Потускнели давно
Нашей юности выси,
Только в сердце их склоны
Зарей зажжены..
Отдохнуть от жены
На ушбинском карнизе?
Ничего себе способ
Отдыхать от жены!
Что хотели — могли,
Что могли — то свершили.
Перезвон журавлей..
Примиришь и прими.
Вновь оставить записку
На грозной вершине?
Ничего себе способ
Переписки с людьми!
...О волшебном цветке
На укромной поляне,
Где застряла пчела
В паутинке дождя, —
Помнишь —
Детскую песенку

Пел Хергиани!¹
В вечность —
Влево и вверх —
Навсегда уходя?
Навсегда,
Не считая короткого мига, —
Есть мгновенья
Рельефней кошмарного сна, —
Когда мимо тебя,
Сжавши губы,
Без крика,
По крутым желобам —
И до самого дна!..

¹ Михаил Хергиани — знаменитый альпинист. Погиб в Альпах.

Каскадер

Дождь за Смолявичами
Шастает босой
Глухоманью птичьей,
Ивовой лозой.

Скаковые лошади,
Стройны и легки,
У реки заброшенной
Гложут мундштуки.

Скаковые маются:
Дождь сечет давно,
Медленно снимается
Новое кино!

Распахнулся кряжами
Меловой карьер.
Плащ покроя княжьего
Ладит каскадер.

Ладит и торгуется:
— Склон остер как нож!..
Постановщик хмурится:
— Дорого берешь!

Но с улыбкой хитрою
Молвит каскадер:
— Хочешь плату хлипкую —
Так меняй карьер!

С этого задешево
Завалиться вниз, —
По словам той лошади, —
Стопроцентный риск!

Мы с тобой товарищи,
Деньги — звук пустой..
Лошадь подтверждающе
Машет головой.

К солицу долгожданному
Бросил тело грач,
На свою буланую
Выпрыгнул трюкач:

— Что нам эта съемочка?
Честь невелика!
Ну-ка, полукровочка,
Работнем слегка!

Сыпанули лучники
Стрелами в упор,
Светлый князь — над кручами,
Да во весь опор!

Беркутом подкошенным
Ринулся в провал..
По словам той лошади,
Парень дело знал!

Ночь
после Бородинской битвы

На земле растерзанная нива,
Сапогами расчлененный колос,
А над нивой — желтое югиво,
Гренадером
Брошенное
В космос.

Даже камни слишком говорливы
По сравнению с мертвым бомбардиром.
Этой ночью — кто остались живы —
Уяснили смысл
Войны и мира!

Картина
Нестерова

Увижу вновь — и снова онемею!
Вот все, пожалуй, чем едины мы:
«Виденье отроку Варфоломею» —
Родной земли осенние холмы.

Потом возникнет Троицкая лавра,
И на Мамаю соберется рать...
На всех скрижалях буквою заглавной —
Холмов осенних грусть и благодать.

Опора наша, наше озаренье,
Спасенье от тюрьмы и от сумы,
Мальчишке ясноглазому виденье —
Родной земли осенние холмы.

Лучом закатным позвонят в лозину,
Дохнут теплом в преддверии зимы —
И перейдут без завещанья к сыну
В рябой траве пологие холмы.

Никольские мастера

От музейной сурьмы и чекана
Я поднялся на вымокший холм.
Он маячил в разводах тумана,
Беспризорен, беспечен и гол.
Благолепье гранита померкло,
Потемнели кремля купола:
По холму деревянная церковь
Из Никольского в Суздаль плыла,
Презирая все камни и мели,
Святославовым стругам сродни!
Хорошо топорами владели
Мастера в свои звездные дни!
С той поры я, как беркут, без цели
Над пустынными гнездами слов...
Осень воду мутную цедит,
Помечая деревья на слом.
Птицы тянутся в дальние страны,
Хотя в странах тех счастья — на грош...
Вот стоит их корабль деревянный,
Далеко ли на нем уплывешь?
В листопаде, в цветной канители
Надо радость добыть из тоски,
Если вправду поэты владели
Словом,
Как топором мужики!

Автограф

На столе моем предмет ненужный
Без употребления плесневеет:
Колоколец коренной поддужный,
Крупно надпись — ФЕДОР ВЕДЕНЕЕВ.

Ровно век назад, судя по дате,
Федор Веденеев кончил дело,
Чтобы — как струя на перекате —
Песня колокольная звенела!

Тройкою почтовою влетала,
Улетала предбрасветной птицей!..
Есть закон усталости металла —
По рубашке трещина змеится.

Только я ведь не оценщик с торга,
Не эксперт я в областном музее.
Я благодарю вас за автограф,
Русский мастер Федор Веденеев!

И лускай в томах энциклопедий
В вашу честь и строчки не найдется —
Крупной вязью по певучей меди...
И душа живая отзовется!..

Бомбометанье

Я вновь бегу по лезвиям стекла,
Я обгоняю стариков и женщин.
Тень от крыла перрон пересекла,
Вокзальный купол бомбой изувечен.
Я вновь ищу спасительный подвал.
Еще вчера я презирал подвалы,
Еще вчера я в облаках витал
И птицей уходил за перевалы.
Мне восемь лет, сдавил мне горло бег,
Боюсь упасть, не добежав до зданья,
А надо мной вольготно, без помех
Прицельное идет бомбометанье!
Бомбометанье —
навинчик тополя!
Бомбометанье —
и все кровли вскрыты!
Бомбометанье —
вспорота Земля!
Бомбометанье —
сорвана с орбиты!..
Минуло детство, юность унесло,
Но в памяти записано, хранимо:
Бомбометанье — так зовется зло,
Когда оно уже непоправимо!

Нейтронное

Нет, еще не запел соловей,
Но, весенним лучом отогрета,
В оркестровой яме корней
Просыпается первая флейта!
А за нею — кларнет и гобой,
И оркестр набирает звучанье:
В каждой фразе и в ноте любой
Слышу плоти живой величанье!
В росте трав, в глубине родника,
В горле птицы над пестрым обрывом,
На века,
На века,
На века...
До нейтронного взрыва!
Уверенья: навеки твоя!
И восторги: тобой окрыленный!
Смех ребенка и свист соловья —
До разрыва нейтронной!
...Двор пустынный и дом нежилой,
Астронавт прилетит — не поможет!
Как у вас там, в Техасе, ковбой?
И в далеком Техасе все то же:
Двор пустынный и дом нежилой,
И над полузаросшей тропой
Шорох ветки: «Единственный мой!..»
Отклик ветра: «Навеки с тобою!..»

В долгом споре щита и меча —
 Паритет наподобье качелей.
 Сколько стоит такая ничья,
 Вы спросите у казначеев.

Но верней, чем любой казначей,
 Счет ведет материнская память,
 В изголовье своих сыновей
 Согревая кладбищенский камень.

И по швам мирозданье трещит
 На основе своей паритетной;
 Не железный, а ядерный щит!
 Не булатный меч, а ракетный!..

Опасайтесь зайти далеко!
 Вечный мрак за последней чертою,
 Вечный мрак и оплавленный ком,
 Что планетою был голубою!..

Чем дальше молодость,
 тем ближе Белоруссия:
 Неяркие цветы
 по берегам озер,
 Взмах аистиных крыл,
 рябины флаг над бруствером,
 И песен грустный лад,
 и партизанский бор.
 Отцы моих друзей
 в бору том похоронены —
 И памятью о них
 гудит орган сосны!
 Не будь я сын Апсны¹,
 тебя я звал бы родиной
 И матушкой бы звал,
 не будь моей Апсны!..

¹ Апсны — Абхазия.

Где нашла себя песня...

Разбери, где чужие, где родичи,
Если дело касается музыки..
Костровицкие из Дорожковичей!¹
Подарили поэта французам.

Над рябиною светлою горечью —
Птицы грузные с выкриком резким.
Взмах крыла — и прошли Дорожковичи,
Новый взмах — и к полям Елисейским.

Где нашла себя песня,
Там нация,
И любовь,
И надежда,
И вера...
Помяни, осенняя Франция,
Дорожковичи Аполлинера!

Как когда-то знойную Африку
Поминали в русском лице...
По какому волшебному графику
Сердце веще движется к цели?

¹ Дорожковичи — бывшее имя Костровицких, родичей Аполлинера.

Рента

Для судьбы не писан закон,
И без правил игра ведется.
В общей яме для бедняков
Был похоронен Моцарт.
Вена с ним простилась легко,
Мимоходом, как с листопадом,—
И не нужно пышных венков,
И на мрамор затрат не надо.
Зато памятник — будь здоров!—
Над могилою кредитора.
Золотое время ослов
Переждать в комнатухах-норах,
Пережить, на судьбу не злясь,
Не предъявляя счета,
Если музыка — это страсть
И единственная работа,
Если он,
Вольфганг Амадей,
Опускаясь в ямищу эту,
Музыкантам грядущих дней
Завещал
Бессрочную
Ренту!

Помню, был я виночерпием
 На студенческом пиру.
 В круг тот, юностью очерченный,
 Вновь друзей не соберу.

Где вы, добрые и гордые?
 Хоть окликну — не найду...
 Только в юности, как горы,
 мы

Друг у друга на виду!

Только в юности все — около!
 До резных оград потом
 Кто-то волком, кто-то соколом,
 Кто-то пасмурным кротом...

Словно в сказке: были — не были,
 Вот такая, брат, игра!
 И другие виночерпии
 Круг обходят на пирах.

Уходящему другу

Уходишь
 От верб на зернистом снегу
 В майские снега акаций.
 Уходишь!..
 А я за тобой не бегу,
 Не умоляю остаться.
 Уходишь —
 Извечный сюжет на двоих
 С горчинкой осенних восходов.
 О дар,
 О лазейка
 Созданий земных —
 Возможность простого ухода!
 Свободен,
 Как птица,
 И сам себе бог,
 Идешь по воде, будто лугом...
 Пока не споткнешься о прежний порог:
 Родная планета
 Округла.
 Она переводит на замкнутый круг
 И души,
 И ветры,
 И строки...
 Счастливой дороги, старинный мой друг!
 Счастливой дороги...

*

Меня не унизишь наветом,
Не ранишь меня клеветой...
Приди — и забудем про это
За чашею круговой!

Не верь этим сплетням и слухам,
Не потерял я лица...
Так долго ты был моим другом,
Останься же им
До конца!

В русском поле

В русском поле буйны травы
Не хранят следы чужие,
Лишь преданьям это право,
С красной строчки:
Были-жили...

В русском поле грусть и удаль
На одном холме гнездятся.
На виду здесь быть не трудно,
Еще проще потеряться!

Захлебнуться ветром в беге,
Глубоко уйти под корни,
Как когда-то печенег,
Как — до печенегов — обры!..

Воспоминание о Лорке

Круча над Калдахварой
Темнеет, ветра сзывая.
С покатою крыши амбара
Льет вода дождевая.
На сердце нынче грустно,
Не потому, что осень,
Не потому, что груз свой
Мне до гроба не сбросить...
Какая долгая нота
У крестьянской свирели!..
Все кажется: у кого-то
Душа моя на прицеле!
...Над деревушкой старой
Шумела вода дождевая,
В зеленый ручей под аркой
След кровавый смывая.
В лицо был последний выстрел!—
Чем-то прикрыть бы надо...
Зависть рукой фалангиста
Счет свела под Гренадой,
Зависть, что выла волком,
Подачки прося у бога!..
Убитого звали Лорка.
У зависти прозвищ много
И разных масок — без счета,
Чтобы не разглядели...
Какая долгая нота
У крестьянской свирели!
И круча над Калдахварой
Темнеет, ветра сзывая.
«Похороните с гитарой...»—
Шумит вода дождевая.

Опыт

Опыт приходит, не опоздав,—
Так будет во веки веков.
Опыт — сборный товарный состав,
Уродливый сын тупиков.

Опыт, он обезьяний бог,
Седой имитатор и лгун.
Если ты сам ничего не смог,
Он кричит:— Помогу!..

Послушай, жизни своей геометр,
Счастья лоскутного ткач,
Не опытом зряч старина Гомер —
Сердцем горячим зряч!

II ЖЕНЩИНА

Обмен

Часы с календарем
Меняю
На кукушку,
Откуковала — и закрыла счет...
Серебряный браслет —
На светлую речушку,
Удравшую в леса
Из торфяных болот.
Возможен вариант:
Кукушку и речушку,
Серебряный браслет,
Часы с календарем
Меняю
На одну победную пирушку
В честь моего коня,
Владел таким конем!
Меняю
Скакуна и звонкую пирушку,
Часы с календарем,
Браслет из серебра,
Скупой кукушкин счет
И светлую речушку
На то,
Что создал бог
Из моего ребра!
На выяснение чувств
По поводу любому,

На слезы без причин,
На праведную ложь,
На цвет раскосых глаз,
То близкий к голубому,
То пепельно-стальной,
Как амузгинский¹ нож!..

¹ Амузги — аул, известный своими мастерами-оружейниками.

Ночное шоссе

Свои приметы на ночном шоссе,
Их не увидишь с твоего порога.
На камень-веху тощий ворон сел,
Кленовый лист перебежал дорогу.

В железный бубен отгрохочет мост,
И в зыбкий сумрак уберутся лоси.
Аэропорт, оставленный без звезд,
Простудит горло и обезголовит.

Свечой в тумане вспыхнет обелиск,
И остов церкви на ветру заплачет...
Шоссе ночное — мой соблазн и риск,
Крутой бросок к губам твоим горячим!

А если проще, если без прикрас,
Как быть должно и как тебе угодно:
Две сотни верст через туман и грязь
К закрытой двери, к затемненным окнам!..

Шиповник

Твой косогор не очень крут,
Не огражден твой домик...
Я знаю, здесь меня не ждут,
Но здесь растет шиповник!
Громадный куст дичайших роз,
Какой я им садовник?
Гони меня, пока не врос
В дремучий твой шиповник!
Есть правда, что похуже лжи.
Поверим лучше чуду:
Я буду здесь, покуда жив
И если жив не буду.
Сожгут — и тут не отрекусь,
Беды твоей виновник:
Дождями жадными вернусь,
Прольюсь на твой шиповник!
Зароют — путь найду иной,
Непринятый паломник:
Лозою черной и хмельной
Вплетусь я в твой шиповник!
И ты мне скажешь:— Здравствуй, друг.
Пришедший ниоткуда!
Закрыта дверь, и замкнут круг,
Но ведь бывает чудо...

*

Я к худшему готов всегда,
И потому еще роднее
За домом синяя гряда
И маяка клинок над нею.

И смуглых спин янтарный пот,
И красный плод на ветке росной,
И пчел взыскательный обход
Своей усадьбы медоносной.

Кремнистый луг и мгlistый лес,
Знакомым егерем хранимый,—
Земля людей, сказал Сент-Экс¹,
Я говорю — Земля любимой!

Земля, где женщина живет
Под щедрым знаком Водолея,—
И пью я горьковатый мед,
Пока судьбой своей владею!

¹ Сент-Экс — Антуан Экзюпери.

Бабье лето

Разметет загустевшую хмарь
Ветер с юга, вернувшись неожиданно,
Остуженного солнца янтарь
Вознесет на холмы из тумана.
Так устроит, что осень твоя
Обернется июльским закатом.
Бабье лето — разгул соловья
Перед зимним диктатом!
Положась на уменье свое,
Он тебя величает подробно...
Обокраден я тем соловьем,
Соловьем я, как липка, обобран!
Ты не прячь, дорогая, глаза,
Погаси в них ключиче льдинки:
Помнишь, как-то лет двадцать назад
Я его одолел в поединке!..

*

По журавлиному крику
Траур в дубовых лесах.
Осени терпкую книгу
Заново надо писать —
Ладить приметку к примете,
Чем откровенней, тем злей...
Целятся острые ветви
В серый конвой журавлей.
Щедрее любых обещаний,
Конкретней любых телеграмм
Дубовых лесов обнищанье —
Дорого платят ветрам!
Скарედны сборщики дани
И ничего не скостят...
Я говорю: «До свиданья!» —
Я задержался в гостях.
По журавлиному крику
К югу нащупаю путь.
Осени терпкую книгу
Я допишу как-нибудь!..
Честную книгу прощанья,
Нам не хватает такой!
Дубовых лесов обнищанье —
Плата за долгий постой...

*

Белый камень найдите
Рядом с темной водою —
И верандой стеклянной.
Громко в ночь прокричите
Имя любое —
Эхом будет
СВЕТЛАНА!

В неглубоком ущелье,
Что кишит светляками,
Ожидала Светлана...
Красных листьев вращенье
И белеющий камень.
Жизнь прошла,
Как ни странно!

Кто-то листья поджег —
Ритуальное пламя,
Тонет в дымке поляна...
Был ручей,
Был порог,
А теперь над веками
Только эхо:
СВЕТЛАНА!

Капелла в пещере

Э. Б.

Поющие тени
В Афонской пещере.
В вечность ступени
Рядом с Этери.
День или вечер?
Время размыто.
Опльвшие свечи
Из сталагмитов.
Тысячелетье
Или минута?
Тени вот эти —
Куда и откуда?
С Верхней Эшеры —
К родичам дальним...
К черту пещеры —
Исповедальни!
Сердцу не больно —
Переболело.
Плачем мы сольно,
Поем «а капелла»!

*

Из глубины Литвы, из Жмуди
Из приозерной и лесной
Летит, трубя на перепутье,
Посмыльный твой,
Посмыльный твой.

Из глубины Литвы, из Жмуди
Мне песня давняя мила:
Она о том, как ждут и любят,
Про два крыла,
Про два крыла.

Нам два крыла — и мы смогли бы!..
Труби, гонец, о лучшем дне,
О ворожбе столетней липы
В той стороне,
В той стороне.

Настанет срок — и нас не будет,
Но в ту же высь, но в ту же даль
Из глубины Литвы, из Жмуди
Уйдет журавль,
Уйдет журавль!..

В Ачандарском ущелье

Здесь, в Ачандарском ущелье,
Веток тысячеручье.
Здесь, над тропой оленьей,
Пчелы и цветка созвучье.
Как губы твои горели,
Как обнимали руки
Здесь, в Ачандарском ущелье,
В двух шагах от разлуки!
Лучились глаза ликуя,
Вереском пахло тело.
Луны серебро литое
От зависти плесневело!
И птица кричала сипло
О том, что она в накладе...
Я говорю красиво —
Прости меня грусти ради.
В сердце такая горечь,
Что, если поведашь просто,
Усядётся рядом горе)
Развалится наглым гостем.
Станет шутить прескверно,
Станет рядить-судачить
О головушке бедной
И о глазах незрячих,
О глупости возвращенья,
О наивной надежде,
Об Ачандарском ущелье,
Где все как прежде,
Как прежде...

Праздник лета

Ствол гудит широкой кроной,
Подзадоривая к плясу:
— Не состарилось ли сердце,
Ноги крепки ли, проверь! —
Над капризною речонкой
Ходят смуглые абхазы
И носки сапог на прочность
В рыжей пробуют траве.
Сапоги росой набухли,
Бубен рвется на лужайку,
В гулкий круг, кося глазами,
Брат двоюродный скользит, —
То ли ветру, то ли солнцу
Машет черною нагайкой,
Ноги, словно два кинжала,
В землю рыхлую вонзив!
Ветер дерево оставил,
Ветер полы развевает,
Обезумевшее солнце
В бычью шкуру громко бьет!..
Это пойманная радость,
Это грозди вызревают,
Это праздника глашатай
Начал длительный обход.
Эй, глашатай!
Если встретишь
Боль мою,
мою пропажу
(У нее лебяжки руки
и зеленые глаза), —

Трижды позови на праздник,
Упроси,
 если откажет!
Без нее,
 как на поминках,
Ни плясать, ни петь нельзя...

Перекресток

Не виноват перед тобой.
И отдаю тебе, как прежде,
Глухой костер левобережья
И нашу баржу под горой.

На этой барже в час ночной
Была ты веткой и звездой мне,
Но птицам холодно в гнездовьях
Над осторожною рекой.

Благодарю тебя за смех,
За все, что связано с тобою.
Давно иду другой тропой —
По руслам пересохших рек.

Но память горькая остра —
И повторится перекресток,
Где светлый ливень ходит
Хлестко
Вокруг погасшего костра!

Вертикаль луча

*Светлой памяти
Эльвиры Шатаевой*

Нам с тобой для начала
Нужно совсем немного:
Иссиня-черное небо
И снежная крутизна...
В скитаньях пустых отчаясь,
Вступить на нашу дорогу
И путь оборвать нелепо —
Кадром страшного сна!
Навзничь упасть и слышать
Крики уларов горных —
Что они потеряли?
О чем они так кричат?
Нам бы подняться выше,
Но там уже нет опоры,
Там из всех вертикалей
Лишь вертикаль луча!
Нам бы понять вначале,
Что летнее небо льдисто
И жестче больничных коек
Фирновые поля...
Мы — это слог венчальный
Азбуки альпинизма.
Итак, мы восходим двое:
Я и печаль моя.
От равнинного мира,
От делового общенья,
От полуправды праздной
И разного полувранья
По четким следам Эльвиры
На грозный пик очищенья

Одной мы уходим связкой—
И любовь моя!
Теплых скал на маршруте
И нерыхлого снега
Нам пожелали в спину
Оставшиеся внизу.
Но буря кричит:
— Забудьте
Иероглиф успеха—
Вас от земли отрину
И к звездам вас вознесу!
Сто тысяч высоких горнов
Солью я в звуке едином,
Руками косматых троллей
В клочья порву зарю.
Я вам глаза подерну
Серебряной паутиной,
Кристаллики вашей крови
Вселенной я раздарю!
Ладом чудесных скрипок
Отвою душу от тела,
Счет поведу столетьям
Кукушкой у ручья!..
— Что ж, и на том спасибо,
Лишь бы душа сумела
Выйти со склонов этих
На вертикаль
Луча!..

*

Весна!
Приобретаются холодильники,
Идут подснежники с торга.
Студийцы, словно алхимики,
Колдуют кистью над логом.
Колдуют кистью неопытной,
И солнцем облиты головы.
Над баржей угольной хлопотной
Крыло проверяют голуби.
Весна,

я черное дерево!
Одень же листвою новою
Над этим размытым берегом,
Над этой волной лиловою.
Весна,

я черное дерево
В шрамах, в глубоких трещинах.
А много ли мной потеряно?
...Женщина.

*

Душой, от суеты свободной,
Созвучий созывая рать,
Под этот дождь полудремотный
Тебя и юность вспоминать...

И соколом в тумане плотном
Искать забытые пути,
Под этот дождь полудремотный
Созвучий войско распустив...

В разрыве туч увидеть море
И солнце мертвых¹ — красный щит.
Пускай не греет — что за горе! —
Зато хоть память защитит!

Мне с этой памятью — не грустно!
Ты ждешь меня на берегу,
А я по высохшему руслу
Еще бегу,
Бегу,
Бегу...

¹ Солнце мертвых — так в абхазских легендах называют заходящее солнце.

Расстрел Мата Хари

Утешные слова, слова духовника,
Как слабоумных бред,
Горьки и непристойны.
Она встает к стене,
Стройна и высока.
Там, за стеной — Земля,
Там шпионаж и войны.
Вернее не сыскать
Тюремного стрелка:
Он с совестью в ладу,
Глаза его спокойны.

Но женщину убить —
Что погубить лозу,
Которая в промозглый дождь
Подарит
Нам заревую гроздь —
Янтарную слезу...
Пусть женщина зовется
Мата Хари,
Кто пил вино,
Тот в щедрую лозу
Зарядом смертоносным
Не ударит!

Тюрьмы французской
Комендантский взвод,
Ты выложил стену
Мозаикой пробоя,
Панно такое
Время не сотрет

И никакая известь
Не отмоет!
Что медлишь ты?
Оружие — на взвод!
Очередная цель перед тобою.

Одиннадцать стрелков,
Но у кого же он?
В чей карабин попал
По воле офицера
Традиционный
Холостой
Патрон —
Бальзам для совести
И сострадания мера?
Звучит команда —
Залп произведен!..
И всплеск надежды:
«У меня, наверно!..»

Жанна д'Арк

Оробевшим мужчинам решила помочь —
В боевые вцепилась поводья,
Для английских вождей
Сатанинская дочь,
Для французов —
Десница господня!
Появилась в дыму на валу городском
И вязалась в кровавое дело,
То ли ведьма лесная в наряде мужском,
То ли впрямь Орлеанская дева!..
Ну куда ты

в сплошной

арбалетный

обстрел!

Лучше пряла бы тонкую пряжу...
Ведь сначала сожгут на высоком костре,
А потом уж икону закажут!..
Ну зачем ты — на этот гранитный редут?
Лучше б в люльке качала младенца...
Возвеличат тебя,
А потом предадут —
И от этого некуда деться!..

Можно и так!

Что Ромео, счастливцев влюбленный?
Чем судьба его омрачена?
Не носили ему почтальоны
Невостребованные письма!

Что Отелло, мавр иступленный?
Был он ревностью зряшной томим.
Никогда его Дездемона
С хитрым Яго не ездила в Крым!

Вот с тобой, разлюбила — и ладно!
Мне дожить бы до вербного дня:
В перелесках, сквозных и прохладных,
Дрозд-деряба утешит меня.

Положите горошину в горло,
Дрозд-деряба, бродячий флейтист!
Не стесняйтесь, прошу вас покорно,—
Проверяйте на смех и на свист!

Пересменную песню послушав,
Я поверю, что жизнь хороша
И что всем неприкаянным душам
Я теперь не чужая душа...

Памяти друга детства

Этой жизни и песни начало
Обнаженной крестьянских ножей.
...Стадо буйволов шло с перевала
Под кнутами осенних дождей.
Этой юности ранние росы,
Как пчелиные соты, грузны.
...У девочки тяжелые косы,
А у ружей заряды грозны.
Можно горькой судьбе покориться,
Можно скрыться от пуль за скалой,
Но любовь ослепленную птицей
На ловца летит по прямой!
Этой прерванной жизни мгновенье
Как застывший кусок янтара.
...Вкруг тебя под ливнем осенним
Обвели мы три раза коня.
Алый мак — на смену обвалу,
Острый луч перерезал дожди.
...Буйволенок идет к перевалу,
У него еще все впереди!

*

Ты со мной,
Но ты мной не разгадана.
Если Золушка,
Где твой наряд?
Если анахарка,
Где твоё снадобье —
Раз в столетье врачующий
Яд?
Мне такого снадобья
Надо бы!..
Камнепадами
Годы летят!

Ты со мною, ты рядом —
Но где же ты?
Так под землю
Уходит ручей,
Так — лозой на камнях
Оснеженных —
Начинается плач
О луче,
Так — надеждою зыбкой
Утешена —
Одинокая скрипка
Звучней!..

III ОТЧИЙ ДОМ

Родословная

«Изяслав привел царицу
Из Обези...»
У Сильверста,
Не в обиду летописцу,
Портит дело скупость текста.
От лозы, обнявшей крепость
Узловатыми руками,
От орлов, идущих в небо
Двухверстовыми витками,
От корявых, цепких грабов,
Стережущих сумрак синий,
От замшелых гордых храмов
Подревней Златой Софии,
От кошмара ранних скачек,
От заклятий и от песен,
Схожих с поминальным плачем,—
Вот что значит — «из Обези»!
Двух земель союз старинный,
Жизнью я ему обязан:
Дочь была у славянина,
Вышла замуж за абхаза.
Тихо-тихо, рано-рано
Начиналась эта радость:
Ястреба из Ачандара¹
Шли под тульским листопадом,
Шли они в преддверье вьюги

¹ Ачандара — село в Абхазии.

И замерзнуть рисковали...
Две земли, как две подруги,
В детском сердце тосковали,
И в одной душе звучали
То призывом, то укором
Дона родничок начальный
И шальной бросок Кодора¹,
Темный наговор самшита,
Стылость алая рябины
И над склоном, мглой повитым,
Резкий клетот ястребиный!
Я двойным родством доволен,
Я судьбою не обманут:
Не забудут в чистом поле —
На крутой горе помянут!..

¹ Кодор — река в Абхазии.

Диалог

— Куда ты,
Сердце?
— Туда, где ручей —
Детских ночей бессонница.
В нем загорается сто свечей
И птица звонкая водится.

— Куда ты,
Сердце?
— Туда, где дом
Гнездом соколиным кажется.
Там принимали меня со шитом —
И на щите — не откажутся!..

— Куда ты,
Сердце?
— Туда, где гора
Покрылась рыжей попоною.
Созрели каштаны — и мне пора
В рощу мою наклонную!

Я в те ущелья, на те поля,
Где все мои клады-россыпи...
— Послушай,
Сердце,
А как же я?
— Куда ж без тебя, господи!..

Лоза виноградная

В этом мире все предначертано,
Все предписано,
Предугадано...
Не отмечена общей метою
Только косточка виноградная.

Помню, в детстве следил зачарованно,
Чудом душу хрупкую радуя,
Как сквозь толщину настила бетонного
Прорастала лоза виноградная!

Осень
сорок второго

Мне восемь лет, я житель городской.
И никогда я не бывал здесь прежде:
Дом из каштана и густой орешник
За мокрою оградой жердевой.

Открою дверь и в старый дом войду.
Он своему хозяину не нужен,
Но нам, бездомным, он еще послужит,
И в очаге я искорку найду.

Раздую пламя, заслону полкой
От ветра ли, от воя ли шакала...
Село под Гудаутским перевалом
Всех скалолазов отрядило в бой!

На перевале каждый выступ — дот.
И высоко, за ширмою свинцовой,
Где острый гребень льдами облицован,
Пропал навеки тот,
Кто упадет!..

Идет над нами горная война.
Я привыкаю к странности обряда:
Кладут в траву черкеску Азамата,
Вокруг нее проводят скакуна.

Болтаются пустые стремяна —
И женщина глядит осиротело.
В траве черкеска,
Где-то в скалах тело,
И горечь детства —
Горная война!..

Без
корней

В. Пачулия

Осколок глины обожженной
Поберегу...
Легат! поставил град опорный
На берегу.

Чужом ему, а мне родимом
Без громких фраз,
Поскольку был легат из Рима,
А я абазг.

Осколок глины розоватой —
Водопровод.
Вода лилась с горы горбатой
Легату в рот.

Дары, случилось, подносили
Вожди племен,
Но никогда в покорность сильных
Не верил он.

Мрачнел, валы сооружая,
День ото дня:
Мерещилась стрела чужая —
Моя родня.

Стрелы с нагорий острый росчерк,
Рассветный бой.
А рядом, за сосновой рощей,
Ревел прибой.

Легат — помощник военачальника в Древнем Риме.

И корабли походкой скорой
Вернулись в Рим.
И Питиус, сосновый город,
Исчез, как дым...

Был городок других получше,
Но без корней.
Полукольцо холмов колючих,
Гнездовые змей...

Егерская баллада

В лачуге тепло и сыро.
Над медом в котле чугуном,
Над жерновами сыра —
Пихты в наркозе лунном.

Сова зажигает свечи,
Не прибавляя света.
Егерь ушел под вечер
По недоброму следу.

Егерь ушел по следу
За браконьером матерым.
Охота здесь под запретом —
Заповедные горы.

... Молочный туман держали
Пихты в широких лапах.
Коня молодого ржанье,
Цветов пробужденных запах.

На вьючной лошади — тело,
Руки тянулись к травам...
Егерь убит браконьером
За вторым перевалом.

Егеря звали Муратом,
Был он мне другом детства.
Не восполнить утраты,
И никуда не деться!

К морю уйти бы надо,
Оставив печаль на склоне:
Не угодишь в засаду,
И люди как на ладони!

К морю уйти бы надо,
В эту смерть не поверив...
Но хлещет двойным зарядом
Море
В бетонный берег.

Археологический мотив

Звучней нездешняя струна,
Нездешний слаще мед.
Однажды горная луна
В пустынный дом войдет.
Увидит стынущий очаг,
Свисающую цепь...
Не в силах сызнава начать,
Уйдет по гребню в степь.
Найдя разрыв в кольце холмов,
Придет сюда народ,
В страну покинутых домов,—
Глухонемых сирот.
В подвалах змеи видят сны,
Из крыш растет трава.
Ни наводнения, ни вины, —
Так где ж хозяева?
Молчит гранитная плита,
Язык забытый нем.
И будут умники гадать —
Кто жил?
Когда?
Зачем?..
Архив земли, какой в нем прок,
Коль нет души живой?
Да буду я плохой пророк!
Да будет дом жилой!

Письма с Маруха

Я жил у дороги на перевал,
В бараке.
Напротив — госпиталь.
Роту за ротой Марух принимал
На ледники,
На осыпи...
Марух умеет хранить мертвецов,
Укутав кристальной ватой.
...Сорок второму году в лицо
Смотрю из восьмидесятого!
Читаю письма молча и вслух,
Копаясь в судьбе и почерке:
О козах печется мертвый пастух,
Тоскует отец по дочери
И шутит — солнца у нас взхлеб,
Погода вполне курортная!..
А между строчек — атака в лоб
На гнездо пулеметное.
Бросок!
И крик...
И кровавый снег...
Лавин похоронных рвение...
Так навсегда,
На века,
Для всех
Письма сдают на хранение!

Нотр-Дам и абхазский самшит

Нотр-Дам — королевский собор,
Повсеместно прославленный храм,
Далеко от самшитовых гор
Облака ты прошел,
Нотр-Дам.

Нотр-Дам и абхазский самшит,
Как-то странно ложатся слова...
В старых вырубках ветер шуршит,
На пустырь предъявляя права.

Побережьем отчизна красна,
Где второе такое найдешь!..
С побережья
Во все времена
Начинался и торг, и грабеж.

Вот реестр.
Поллюбуйся каков!
Он веками спрессован и спит.
Поставляли:
Египту — рабов,
Персам — женщин,
Французам — самшит.

На фелюгах кружило, несло,
Прибивало к чужим берегам...
Твой Христос на распятыи резном —
Плоть от рожи моей,
Нотр-Дам!

Этой рощей прошел янычар,
Ятаганом губя и круша.
Но чтоб сызнава мог я начать,
У меня оставалась душа.

Погибал я, но душу берег,
И поднялся из пепла —
И жив!..
И над лентами верхних дорог
Зеленеет
Абхазский
Самшит!

Обратный путь беркута

Шумный табор — журавлиный клин,
Только вместе выживает стая.
Но ты беркут,
Ты летишь один,
Никого с небес не окликаая.

Как далек он, родовой каньон,
От чужого взгорья в океане!
Да промажет чей-то «ремингтон»,
Чья-то сеть в полон да не заманит!..

Уходи за острую гряду,
Вольного полета исповедник,
Градус вправо,
Курс на Теберду,
В заповедник, беркут, в заповедник!

Ты земляк мой и старинный друг,
Новых заводить мне неохота.
Замыкая нисходящий круг,
Заходи в Домбайские ворота.

Красной книгой — скальные поля,
Золотым тиснением — каштаны.
Небесам нельзя без короля,
Королю — без егерской охраны!

Слава ярмарке!

Путь бессонницам закрою
Смехом ярмарок.
Перестану быть совою —
Здравствуй,
Жаворонок!
Здравствуй,
Бубенца осколок,
В небо брошенный!
Продается песен ворох,
Стоит дешево!
Продается конь буланный,
Нерисованный,
Чуть подернутый туманом,
Околдованный!
Продается ловчий ястреб,
Правда, старенький...
День из детства,
Давний праздник —
Слава
Ярмарке!

Письмо домой

Эй, кто-нибудь из дома моего,
Сойди к причалу!..
Туман
Тяжелый
Тащится,
Как вол.
Вода — как в чанах,
В которой мыли грязную фасоль,
Но спуск недолог
Туда, где ветер окунул в рассол
Растений ворох...
Мне не шекочет ноздри странствий дым —
Тоска конкретна:
А вдруг там лодку с именем моим
Сорвало ветром?
Не уследить мне за две тыщи верст,
Тебе — попроще.
У нас здесь ясень прямо в площадь вмерз,
Удрав из рощи.
Он о себе не помнит ничего —
И этим славен...
Эй, кто-нибудь из дома моего,
Прочны ли сваи?
Певуч ли сосен черный частокол,
Светлы ли глыбы?
Баркас соседский так же далеко
Уводят рыбы?
Идет ли к морю девочка одна
Свиданья ради?
В замшелых бочках хватит ли вина
Для поздних свадеб?

Голубое озеро

Есть на Бзыпь поворот знаменитый.
Сердцем ты стереги поворот.
Там вплелись корневища самшита
В белый камень Юпшарских ворот.

Там есть озеро — голубое
В обрамленье зеленых вершин.
Эту воду возьми ты с собою,
Как вино, — запечатай кувшни.

Будешь помнить о горной дороге,
Будешь вечно стремиться сюда.
Если были когда-нибудь боги, —
Это их питьевая вода.

Исповедь убыха¹

Забывают мои одежды,
И оружие мое, и речь.
Только имя осталось прежним.
Для чего мне имя беречь?
Узнаю я гнездо орлицы,
Понимаю шелест змеи.
А вокруг всё чужие лица —
Ни очага, ни семьи!
Кто — от яда,
Кто — предан, продан,
Кто — под гребнем крутой волны...
Перебрали дела и годы
Летописцы со стороны.
Перевалы — в алмазном сверке,
Но бесстрашны они, глухи.
И, назвавья их исковеркав,
Сочиняют теперь стихи.
Снег весной, как вино, забродит.
Оглушительен крик реки:
— Посмотри!

Земляки уходят.
Туго стянуты башлыки,
И бредут они тихо-тихо,
И вода пожирает след...
Ни нашествия и ни ига.
Есть земля.

А народа нет!

¹ Убыхи — племя, исчезнувшее в конце прошлого века.

Состязание

Вот дорога!

Подъем,

поворот...

Наша «Волга» шуршит по гудрону.

Жеребенок

рванулся

вперед

И по краю дороги — к Афону!

Состязание нам предложив,

Он копытами цокает звонко...

Придержи, шофер, придержи.—

Я хочу проиграть жеребенку.

Ради тихой абхазской струны,

Ради славных имен на кинжале,

Ради прошлого этой страны,

Где всегда

лошадей

уважали!

Старый Званба пустился в пляс

Старый Званба отару пас

В котловине зеленых гор.

С неба ястреба рыжий глаз

На отару смотрел в упор.

На вершинах сверкает лед,

Далеко вокруг ни души.

И Нико в обожженный рот

Опрокинул желтый кувшин.

Выпил весело до конца,

Поглядел на сосуд Нико —

Грянул оземь кувшин в сердцах—

Черепки летят далеко!

Серый ястреб рванулся ввысь,

Зашатался зеленый вяз,

Водопад загремел —

Держись!

Старый Званба пустился в пляс!

Начал в полдень плясать абхаз,

Кончил — мылась в ручьях заря,

И качал головою вяз,

За лезгинку благодаря...

Топал Званба к жене домой

По ручьям сокращая путь.

И бараны брели гурьбой,

Пританцовывая чуть-чуть.

Камни
абхазского поля

Стынут на Геге и Рице
Камни,
Дождями промыты.
Древние черные лица
Шрамами густо покрыты.

Камни!
Вы знали так много —
И ничего не сказали!
Слишком ревниво и строго
Прошрое вы охраняли.

Старые, старые боли
В землю глубоко зарыты.
Камни абхазского поля!
Вы
Как надгробные плиты.

По поводу
гороскопа

Рак — Скорпион — Рыба.
Мой зодиак.
Перед ослизлой глыбой
Станет пятиться рак.
И на кремнистом склоне,
Черен и разъярен,
Не уйдя от погони,
Убьет себя скорпион.
Рыбу выловит невод
Из мутного озера...
А кто-то любимчик Девы!
А кто-то сынок Стрельца!
Им-то легко и просто,
Везучий они народ...
Ладно, оставим звезды —
Табло гороскопа врет!
На вечном гончарном круге
Лайнером стал Икар.
Слева — дощатый флюгер,
Справа — радар.
За голубой ложиной
Егерской службы дом.
Пройдем по тропе звериной,
В свои владенья пройдем.
Земля,
Если ты заказник
Во Вселенной глухой —
В черный мой день и в праздник
Егерь я твой!

Не пришлый и не изгойный:
Одна у нас плоть и кровь.
Один у нас «треугольник»:
Вера —
 надежда —
Любовь!

Старый фруктовый сад

Старый фруктовый сад
Так сиротлив и черен!
Время настало,
 брат, —
Надо рубить под корень!

Напрочь — каштан, гранат,
Яблоню по соседству..
Время настало,
 брат, —
Сталью по сердцу!

Были они — и нет.
Справим с вином поминки.
Знали бы мы секрет —
Сделали бы по скрипке!

На пустошь снега летят,
Над пустошью ветер дует.
А в скрипке цветет гранат,
А в скрипке каштан колдует!..

Пихтовый родник

Генису Чачхалиа

Псырца — пихтовый родник,
Дар судьбы случайный —
Пядь земли и материк
Древний,
Изначальный.
Это — ворожба пихты
И воды круженье.
Горечь вечной красоты,
Сила притяженья.
Это — из гортани звук
У отца больного.
Нет надежнее порук,
Нет прощальной слова,
Как одна звезда в окне
С горизонтом вровень,
Как на белом полотне
Иероглиф крови.

Вместо эпитафии

Мой дед обретается в тульской земле,
В деревне Иваново-Власово,
В церковном дворе,
Под корнями во мгле,
И внука не видел ни разу он...

От двери четыре шага по прямой —
Место его погребения.
Иду, продираюсь высокой травой,
Колючим заслоном забвения.

Озвучили звонницу птиц голоса,
И клен заблудился на паперти.
Пастырь прихода,
Мой дед Александр,
Что у нас есть, кроме памяти?

В жестком бурьяне плиты уголок,
Скупое свидетельство матери:
Был ты улыбчив и ростом высок,
И к горю чужому внимателен.

Распалась когда-то большая семья.
Крутыми невзгодами мечена.
Красивые парни — твои сыновья —
Погибли в боях за Отечество.

За алые звезды на башнях Кремля,
За это селение русское, —
И стала им пухом чужая земля,

Польская,
Чешская,
Прусская.

Пухом — так пухом...
О чем горевать!
Жизнь утверждается заново —
И догорают шатры-деревя
И птиц созывают на зарево!..

*

Лес нагорный, мой вещун и лекарь.
Вот и ты мне навеваешь грусть!
В должниках твоих хожу полвека,
Всё долги отдать не соберусь...

Не печалься, мгlistая чащоба,
В паутине рыжей поутру, —
Всё твоё верну — и кроме гроба
Ничего навек не заберу.

Танец с бурками

Покажи, не сочти за труд, —
Буду снова от счастья пьяным! —
Как над сценою вас несут
Бурки —
Черные дельтопланы!

Если тесно нам станет тут,
Мы найдем другие поляны:
По созвездьям нас понесут
Бурки —
Черные дельтопланы!

Если бубен возьмем в полет —
Круг серебряный громозвучный, —
Рот разинет привратник Петр
И собьются ангелы в кучу!

Если песню возьмем с собой,
Ту,
Что даже в камнях звучала, —
На пустынной звезде любой
Будет нашей земли
Начало!..

Просьба

Мне сегодня немного надо.
Мне сегодня нужна несвобода.
Содержи меня, брат, арестантом
С волкодавом мохнатым у входа.
Мне оставь в заточенье суровом
Только птиц,
Пролетающих мимо,
Только вид из окна углового
На короткую южную зиму.
На мираж опустелого сада —
Серебром отчеканен по черни,
Хлеб крестьянский и гроздь винограда
И терпенье,
Терпенье,
Терпенье!..

Родство по крови

У сыновей совсем другая жизнь!
В дому отцовском — инопланетяне...
Не упрекай.
От гнева воздержись.
Родство по крови —
Капля в океане!

Необщность духа,
Кто тому виной?
Как подыскать слова поосторожней?..
Родимый дом им —
Весь простор земной!
А дом отцовский кажется таможней...

*

Обидел брата — сердца не хватило!
И брат ушел куда-то в темнь, в рожь...
Что доказал я правдою постылой?
Убытку много — толку ни на грош.

Чем горше правда — тем дороже плата.
Пусть он незрячий,
Я ведь не слепой!
Будь я добрее,
Я б не тронул брата.
С его гордыней,
Ложью
И тоской!..

Реквием по ястребу

Я помню прощание с ним,
С другом моим острокрылым!
Небо казалось мне злым,
Луг мне казался постылым.
Ястреб три раза подряд
В тот день разминулся с добычей...
Изгнание — короткий обряд,
И я его помню отлично:
Кладутся в карман бубенцы,
Они пригодятся другому!
Лошадь берут под уздцы —
И направляются к дому.
Был каменистым карниз —
И лошадь устала до срока.
Задрал я голову ввысь —
Там ястреб стоял одиноко.
Распластан,
Он словно хотел
Крылья свои приморозить
К последней своей высоте
В последнюю осень!..

Метаморфозы

Птица,
Свей на кресте гнездо!
Был он ясенем у ручья.
Приходил он ночами в дом
И колыбель качал...

Из соломинок домик свей,
Прилепи его как-нибудь!..
Льется звездами
Водолей,
Блещет гнездами
Млечный Путь.

Все полуптай.
Перенначь,
Золотая гортань дрозда!
Зачеркни
Поминальный плач —
Сделай дерево
Из креста!

История с Хаджаратом

Сначала от него ушла жена
Тропинкой к морю в пору снегопада...
Решили люди: не его вина,
И даже пожалели Хаджарата!

Затем ушел его любимый сын,
С собою прихватив меньшого брата,
Но из соседей разве лишь один
Сказал словцо не в пользу Хаджарата.

Когда же от него ушел и пес
Тропинкой в горы в пору листопада,
Соседи призадумались всерьез —
Не слишком крут ли нрав у Хаджарата?

Когда же Хаджарат поджег свой дом,
А заодно и лозы винограда,
Сошлись соседи в мнении одном,
Что черту далеко до Хаджарата!

Когда же Хаджарат погиб в горах,
Прикрыв село от врагов заклятых,
Село решило, что пришла пора
Просить у бога рай для Хаджарата!

Бог возражал: оставила жена,
И сыновья ушли и пес щербатый,

И дом спалил он — сдуру ли, спьяна! —
И погубил он лозы винограда,

И черту душу отдал он притом, —
Ну как не пребывать ему среди ада?..
Но все село стояло на своем:
Мы в ад пойдем,
Но рай — для Хаджарата!

Надежда

Валит снег,
Башлыков домотканых белей,
Сиротеют окрестные склоны...
По хрустящему насту
Пустынейших дней
Ухожу я к деревьям зеленым,
К тем самшитовым веткам
Над вещей водой,
Даже в непогодь — голубою...
Вдруг душа моя станет опять молодой —
Этих веток и струй
Ворожбою!..

Благословение

Его в ловушку завели враги,
Он умирал один на скалах голых.
И в лужу крови у его ноги
Слетели тихо
Горлинка и голубь.

Они герою не могли помочь,
Но рядом горевать — души хватило...
И перед тем
Как погрузиться в ночь,
Всех голубей земли
Благословил он!

А я запомнил с самых ранних дней,
С тех самых дней, веселых и беспечных:
В крови Сасыквы!
Лапки голубей!
Красны навечно — и отмыть их нечем...

1 Сасыквыа — герой нартского эпоса.

Обычай учит:
горсть земли
на память
Возьми с собой —
домой вернет она.
А у меня сегодня под ногами
Тугая,
злая,
мутная волна.

Обычай тоже терпит перемены:
В осенний шторм попал,
на корабле
Я наглотался столько горькой пены,
Что буду вечно думать о земле!

Содержание

I. Опыт

«Эта девочка русоволосая...»	3
Рынок	4
Этюд для Веры	5
Город на Неве	6
Из летописи	7
Изгой	9
Неизвестному зодчему	11
Районный музей	12
«Уважаю при жизни забытых...»	13
Лунный окоп	14
Торжок	15
Статуетка	17
«Мне думалось: вот я дострою фразу...»	18
Поле Куликово	19
Земля Антуана	21
Поездка на Фудзи	22
Детоубийца	23
Другу-альпинисту	24
Каскадер	26
Ночь после Бородинской битвы	28
Картина Нестерова	29
Никольские мастера	30
Автограф	31
Бомбометанье	32

Нейтронное	33
«В долгом споре щита и меча...»	34
Белоруссия	35
Где нашла себя песня...	36
Рента	37
«Помню, был я виночерпием...»	38
Уходящему другу	39
«Меня не унизишь навегом...»	40
В русском поле	41
Воспоминание о Лорке	42
Опыт	43

II. Женщина

Обмен	44
Ночное шоссе	46
Шиповник	47
«Я к худшему готов всегда...»	48
Бабье лето	49
«По журавлиному крику...»	50
«Белый камень найдите...»	51
Капелла в пещере	52
«Из глубины Литвы, из Жмуди...»	53
В Ачаидарском ущелье	54
Праздник лета	55
Перекресток	57
Вертикаль луча	58
«Весна! Приобретаются холодильники...»	60
«Душой, от суеты свободной...»	61
Расстрел Мата Хари	62
Жанна д'Арк	64
Можно и так!	65
Памяти друга детства	66
«Ты со мной...»	67

III. Отчий дом

Родословная	68
Диалог	70
Лоза виноградная	71
Осень сорок второго	72
Без корней	73
Егерская баллада	75
Археологический мотив	77
Письма с Маруха	78
Нотр-Дам и абхазский самшит	79
Обратный путь беркута	81
Слава ярмарке!	82
Письмо домой	83
Голубое озеро	84
Исповедь убыха	85
Состязание	86
Старый Званба пустялся в пляс	87
Камни абхазского поля	88
По поводу гороскопа	89
Старый фруктовый сад	91
Пихтовый родник	92
Вместо эпитафии	93
«Лес нагорный, мой ведун и лекарь...»	95
Танец с бурками	96
Просьба	97
Родство по крови	98
«Обидел брата — сердца не хватило!..»	99
Реквием по ястребу	100
Мегаморфозы	101
История с Хаджаратом	102
Надежда	104
Благословение	105
«Обычай учит...»	106

Юрий Астамурович
Лакербай

ЛОВЧАЯ ПТИЦА
Книга стихов

Редактор А. Москвитин
Художник В. Лукашов
Художественный редактор В. Покатов
Технический редактор Л. Демьянова
Корректоры В. Дробышева, Г. Селецкая

ИБ № 4088.

Сдано в набор 12.12.85. Подписано к печати 12.02.86.
А12512. Формат 70x90^{1/32}. Гарнитура литер. Печать вы-
сокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 4,1. Усл. кр.-отт.
4,25. Уч.-изд. л. 3,26. Тираж 8000 экз. Заказ 3869.
Цена 35 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

390012, г. Рязань, ул. Новая, 69/12
Рязанская областная типография

Лакербай Ю. А.

Л119 Ловчая птица: Книга стихов. — М.:
Современник, 1986. — 109 с. — (Новинки
«Современника»).

В книге три раздела: «Опыт» — раздумья о повседневной жизни и окружающем мире, о градах и всех России, ее истории, о героизме народа; «Женщина» — стихи о любви, о женщинах разных времен и наших современницах; «Отчий дом» — о земле отцов, о погибших в войну соотечественниках, об обычаях старины и сегодняшнем дне.

Л $\frac{4702010200 - 162}{M106(03) - 86}$ 178 — 86

ББК84Р7
Р2